

Я стал бы просьбою нескромной
Тебя тревожить, милый мой:
Чтоб на волшебные напевы
Переложил ты страстной девы
Иноплеменные слова.
Где ты? приди: свои права
Передаю тебе с поклоном... [6, с. 64—65]

Ср.: Зачем я не могу Жуковскому подобно
Стихи писать как он приятно и удобно?

(...)

Волшебным обладав Поэзии пером,
Я смело бы тогда брался за ваш альбом [30].

Сопоставляя «Евгения Онегина» с альбомом, следует отметить и то, что альбом обладал широким регистром различных интонаций — от нежной, шутливой до патетической и порой трагической. В этом отношении показательны и стихи Пушкина, записанные им в разные альбомы, например: «Мне изюм/Нейдет на ум», «Что в имени тебе моем», «Полководец». Богатство интонаций отличает и роман «Евгений Онегин».

В целом альбом, соединяя различные тексты, стихотворные и прозаические, с рисунками — портретами, карикатурами, пейзажами, античными и жанровыми сценами, цветами, символами, — представлял собой некую разнообразную и живую пестроту. О «безыскусной пестроте» домашнего альбома писал Пушкин в стихотворении «И. В. Сленину». «Собраньем пестрых глав» представил он читателю свой стихотворный роман.

Современники Пушкина почувствовали генетическую связь «Евгения Онегина» с альбомом. В данном случае показательно определение, которое дал роману Н. И. Надеждин: «...произведение сие было не что иное, как вольный плод досугов фантазии, поэтический альбом живых впечатлений таланта, играющего своим богатством» [31, с. 108]. И, что еще существеннее, «Евгений Онегин» переписывался первыми его читателями в альбомы, где фрагменты пушкинского текста попадали в контекст альбомных записей и рисунков. В пяти из 80 рукописных сборников и альбомов, хранящихся в Государственном музее А. С. Пушкина, — выписки из «Евгения Онегина».

Раскроем альбом Аннет Н., украшенный обложкой из коричневой тисненой кожи. Его листки с золотым обрезом хранят уверения в любви и дружбе, моралистические сентенции, трогательные в своей наивности рисунки. Среди других стихов — список пушкинского послания «К Н. Я. Плюсковой» и отрывок из XX строфы первой главы «Евгения Онегина» под названием «Описание Истоминой в „Онегине“» [32]. Альбом датируется 1818—1829 гг. Следовательно, выписка из «Евгения Онегина» была сделана читательницей пушкинского романа с отдельного издания первой главы, вышедшего в свет в 1825 г.

Чрезвычайно интересен альбом Киреевского (какого именно — еще предстоит установить). На 66 его листах, заполненных в 1820—1836 гг., помещены списки произведений русских и французских авторов, афоризмы, изречения. Читая их, можно с достаточным основанием предположить, что владелец альбома — молодой человек. Он живо интересуется общественными вопросами, хорошо осведомлен в запрещенной литературе. В альбоме Киреевского списки оды Рыльева «Гражданское мужество», басня Дениса Давыдова «Голова и ноги», отрывки из комедии Грибоедова «Горе от ума». Среди 19 списков стихотворений Пушкина — «Вольность», «Деревня», «К Чаадаеву». И здесь же — отрывки на французском языке из Буало, Вольтера, Руссо, Бальзака, рассуждения о любви и женщинах: «Милая женщина — есть судьба, приводящая все в движение. Глаза есть проводники любви» [33]. Киреевский, как и Аннет Н., переписал понравившуюся ему XX строфу из первой главы «Евгения Онегина» с описанием блещущих театральных лож